

О. С. АХМАНОВА И Е. А. БОКАРЕВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫК КАК
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Первые попытки создания искусственного международного языка относятся к XVII—XVIII вв. и связаны с именами Г. Лейбница, Дж. Вилькинса, Дж. Пристли. В большинстве случаев это были проекты, основанные на логической классификации понятий и условной системе их выражения. С течением времени сторонники идеи искусственного международного языка пришли к мысли о том, что такой язык должен быть создан по образцу существующих языков и на базе их словарного материала. Волапюк, который первым из искусственных языков приобрел в конце XIX в. некоторую известность, уже в какой-то мере приближался к языку этого «апостериорного» типа, т. е. к языку, основанному на материале существующих языков. Наибольшую известность и довольно широкое распространение получил язык эсперанто, основанный на словарном материале, общем для большинства европейских языков. Другие искусственные международные языки, возникшие после эсперанто (идо, окциденталь, новиаль, интерлингва), несмотря на то, что они содержали иногда интересные нововведения, все же не могли привлечь значительного общественного внимания¹.

Вопрос о вспомогательном международном языке в языкознании не раз становился предметом оживленных дискуссий между сторонниками и противниками этой идеи. При этом он иногда неправомерно отождествлялся с вопросом о будущем едином языке всего человечества. Смешение этих различных проблем, естественно, приводило к печальным недоразумениям, так как сторонникам вспомогательного международного языка приписывалось стремление к замене им национальных языков. Чаще же всего велись споры вокруг вопроса о самой возможности создания искусственного языка и его способности функционировать в качестве более или менее удовлетворительного орудия международного общения, его способности противодействовать тенденциям к распаду на диалекты и сохранить на долгое время единство и т. д. На некоторых из этих дискуссий, наиболее интересных в теоретическом отношении, следует остановиться более подробно.

В конце XIX в., когда еще пользовался успехом волапюк, в его защиту выступил Г. Шухардт, хотя он и считал, что этот язык далек от со-

¹ Об истории вопроса см.: L. Couturat et L. Leau, Histoire de la langue universelle, Paris, 1903; Э. Дрезен, За всеобщим языком. (Три века исканий), М.—Л., 1928. Сравнение наиболее известных систем международного языка см в книгах: Н. Яacob, A planned auxiliary language, London, 1947; W. A. Manders, Vijf kunsttalen, Purmerend, 1947; P. Mitrovich, An essay on interlinguistics, Sarajevo, 1954.

вершенства¹. Шухардт указывал на то, что противники положения о возможности искусственного международного языка исходят из неверных воззрений на язык, который в действительности не является чем-то независимым от человека, а представляет собой продукт его деятельности, часто сознательной и преднамеренной. В качестве примера Шухардт приводил литературные языки, в создании и развитии которых сознательная деятельность играет такую большую роль, а также компромиссные языки типа Пиджин Инглиш. По мнению Шухардта, создание международного языка является одной из основных задач языкознания, так как потребность в таком языке вызывается все усиливающимся общением между народами. Г. Мейер в своем ответе Шухардту² объявляет утопией мысль о международном языке, полагая, что единство языка возникнет лишь в результате борьбы великих наций за мировое господство, к которой они усиленно готовятся. Мейер сурово осуждает попытки малых наций («die kleinsten Nationchen») ввести в научный обиход свои языки (венгерский, сербский, финский и др.), считая это «печальным следствием шовинизма наших дней». С лингвистической точки зрения понятие искусственного языка, по мнению Мейера, бессмысленно, так как язык — живой организм, который не может быть создан в реторте.

Статья Мейера дала Шухардту повод снова изложить свои взгляды по этому вопросу³. Он подверг серьезной критике сравнение языка с организмом, резко выступил против недооценки Мейером культурной значимости языков малых народностей, против деления народов на ранги и оправдания попыток распространить силой языки крупнейших народов. Отметив практическое значение идеи международного языка, Шухардт специально останавливается на ее большом научном интересе, который непосредственно даже и не связан с тем, нашла эта идея свое практическое разрешение или нет.

Совершенно очевидно, что аргументация Г. Мейера не может быть принята марксистским языкознанием. Однако необходимо отметить, что и Г. Шухардт в своих работах, посвященных вопросу о международном языке, не всегда достаточно четко различал понятия международного вспомогательного языка и единого языка всего человечества. Шухардт несомненно также переоценивал роль сознательного нормирования в существующих языках и степень смешения языков в процессе их развития⁴.

Большой резонанс в языкознании начала XX в. получила дискуссия⁵ по вопросу о международном языке между К. Бругманом и А. Лескином, с одной стороны, которые выступили против искусственного международного языка, и И. А. Бодуэном де Куртене, с другой, который выступил в его защиту.

Работа крупнейших языковедов своего времени К. Бругмана и А. Лескина «К критике искусственных международных языков»⁶ выделяется среди других работ, принадлежащих противникам международного языка, тем, что она возникла в результате серьезного изучения вопроса. На

¹ См. H. Schuchardt, Auf Anlass des Volapüks, Berlin, 1888.

² См. G. Meyer, Essays und Studien zur Sprachgeschichte und Volkskunde, Bd. II, Strassburg, 1893.

³ См. H. Schuchardt, Weltsprache und Weltsprachen, Strassburg, 1894.

⁴ Интерес к проблеме международного языка у Шухардта не был эпизодическим, он много раз возвращался к ней и позже. См., например, его статью «Bericht über die auf Schaffung einer künstlichen internationalen Hilfssprache gerichtete Bewegung» («Almanach d. Wiener Akademie d. Wissenschaften», 1904, стр. 281—296), перепечатанную в кн.: «Hugo Schuchardt-Brevier» (Halle, 1928). См. также: Г. Шухардт, Избранные статьи по языкознанию, М., 1950, стр. 271.

⁵ К. B r u g m a n n und A. L e s k i e n, Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen, Strassburg, 1907.

работу Бругмана и Лескина постоянно ссылаются, как на один из основных источников по данной проблеме, а противники международного языка часто даже не считают нужным приступать к самостоятельному рассмотрению вопроса, заявляя, что Бругман и Лескин уже показали со всей очевидностью невозможность его решения.

К. Бругман в своей части работы анализирует проблему в целом. Он считает, что она не может быть разрешена путем соглашения, так как каждый народ стремится навязать свой язык другим. По его мнению, положение Шухардта о том, что создание международного языка является одной из задач языкознания, так же неправильно, как и утверждение, что осуществление вечного мира представляет собой задачу общественных наук.

Лингвистическая аргументация Бругмана обнаруживает, что он исходит из принципов натуралистической методологии, с которой младограмматики в свое время вели такую ожесточенную борьбу. Он прямо солидаризируется с приведенным выше положением Г. Мейера о том, что язык есть организм. Бругман широко пользуется и «натуралистической» фразеологией: «организм языка», «органические языки», «язык — природный дар» и т. п.

А. Лескин в своей части работы критикует грамматическую структуру эсперанто, его словообразование, фонетический строй, считая, что эсперанто недостаточно последователен и единообразен. Интересно отметить, что в конкретной критике эсперанто Лескин также прибегает к физиологической трактовке фонетических законов, против чего в свое время сами младограмматики так резко выступали.

С ответом на брошюру Бругмана и Лескина выступил И. А. Бодуэн де Куртене¹, который прежде всего указал на методологическую несостоятельность их аргументации: принципиально недопустимо сравнивать язык с организмом, физиологически трактовать так называемые фонетические законы и отрицать возможность сознательного воздействия на язык. Недоброжелательное отношение многих языковедов к идее международного языка, по мнению Бодуэна де Куртене, является проявлением «научного аристократизма»: представители «чистой науки» рассматривают применение результатов научных исследований к потребностям практики как работу второго сорта. Противопоставление «естественного» и «искусственного», которое так настойчиво проводят Бругман и Лескин, Бодуэн де Куртене решительно отвергает: язык — не божий дар и не дар природы, он повседневно подвергается сознательному воздействию человека. Бодуэн де Куртене указывает на то, что и в так называемом естественном развитии языка много искусственного. Прежде всего всякое обучение языку — покушение на его естественное развитие. Наша повседневная жизнь представляет собой, по словам Бодуэна де Куртене, постоянное вмешательство в дело «святой матери-природы», процесс замены естественного — искусственным, бессознательного — сознательным, стихийных процессов — целесообразной деятельностью, и язык не может остаться исключением. Вопрос о международном языке, по его мнению, настолько созрел, что его разрешение должно стать делом ближайшего будущего.

Полемика между Бругманом и Лескином, с одной стороны, и Бодуэном де Куртене — с другой, вызвала среди лингвистов большое число откликов. По этому вопросу, в частности, высказались в своих рецензиях крупнейшие представители французской лингвистики М. Бреаль и А. Мейе².

¹ J. Baudouin de Courtenay, Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen, «Annalen der Naturphilosophie», Bd. VI, 1907. См. также сокращенное изложение статьи: «Вестник знания» («Esperanto»), 1908, № 9 и 10—11.

² См. «Revue critique d'histoire et de littérature», 2 avr. 1908.

Бреаль писал: «Первая услуга, которую оказал нам эсперанто,— то, что он заставил лингвистов... уяснить представление о языке вообще. Мы с радостью констатируем, что почти все отказались от старых теорий... о языке как продукте природы, о том, что между языками естественными и искусственными существуют коренные различия, что первые наделены всеми достоинствами..., а вторые, подобно гомункулусу Гёте, лишены способности к существованию...».

А. Мейе в своей рецензии выразил уверенность в том, что международный язык рано или поздно будет введен, так как международные связи властно требуют соответствующего орудия общения. Скептицизм Бругмана и Лескина, по мнению Мейе, чрезмерен. Он заявил, что в вопросе о международном языке примыкает к его сторонникам, среди которых называет Шухардта, Бодуэна де Куртене, Ф. де Соссюра и Есперсена. Мейе и впоследствии не раз возвращался к вопросу о международном языке¹.

В истории изучения вопроса о международном языке значительное место занимает II Международный лингвистический конгресс, происходивший в Женеве в 1931 г.² Со специальным докладом по этому вопросу выступил О. Есперсен, являющийся автором ряда работ о международном языке. Содержание его доклада можно изложить суммарно в виде следующих положений.

Современная лингвистика приписывает влиянию человеческого сознания и воли гораздо большее значение, чем старая. На наших глазах происходит создание новых литературных языков для многих народов, проводится большая работа по стандартизации произношения и созданию научно-технических терминологий. Оппозиция идее искусственного международного языка стала гораздо менее ощутимой. В настоящее время немногие лингвисты подписались бы под высказываниями Бругмана и Лескина о международном языке. Идея искусственного международного языка поддерживается многими языковедами, а некоторые из них принимают активное участие в движении за ее осуществление. Лингвисты не могут оставаться равнодушными к этой проблеме громадного практического значения. Данная проблема заслуживает того, чтобы они отнеслись к ней с большим вниманием, подвергли ее серьезному и глубокому изучению и приняли активное участие в движении, направленном на ее разрешение.

По вопросу о международном языке высказались на конгрессе около 30 человек (считая и тех, кто представил письменное мнение). За искусственный международный язык, кроме докладчика, высказывались Э. Сепир, А. Мейе, М. Бартоли, Х. Уленбек, Ш. Балли, А. Фрей, Б. Мильорини и др. За национальный язык в роли международного выступали сравнительно немногие: А. Доза, Р. Дж. Келлог, Б. Спекман, Э. Дарко.

Вопрос о международном языке обсуждался также на VI Международном конгрессе лингвистов, который проходил в Париже в 1948 г. Докладчиком по этому вопросу был А. Мартине³; он представил предварительный доклад, посвященный анализу проблемы в целом, и специальный доклад о работе Ассоциации международного вспомогательного языка (ИАЛА), в которой он руководил отделом лингвистических исследований. Мартине указал на важность обсуждения этой актуальной проблемы специалистами-языковедами. Вопрос о принципиальной возможности искусственного международного языка он считает совершенно очевидным и

¹ См., например, A. Meillet, *Les langues dans l'Europe nouvelle*, Paris, 1928, где вопросу о международном вспомогательном языке посвящена особая глава.

² См. «Actes du Deuxième Congrès international de linguistes», Paris, 1933.

³ См. «Actes du Sixième Congrès international de linguistes», Paris, 1949. См. также A. Martinet, *La linguistique et les langues artificielles*, «Word», 1946, № 1.

решенным самой жизнью. Сомнения же по этому поводу Мартине рассматривает как результат неосведомленности в фактическом положении вещей. Наибольшую трудность представляет, по его мнению, задача широкого распространения международного языка, так как правительства до сего времени не проявляли интереса к этому вопросу, а силами одних только энтузиастов-любителей невозможно осуществить указанную задачу.

В обсуждении вопроса принял участие ряд крупных лингвистов. Большинство из них согласилось с положением докладчика о важности проблемы и о принципиальной желательности распространения международного вспомогательного языка (Ж. Вандриес, А. Дебруинер, Б. Мильорини, В. Георгиев). В. Георгиев даже высказал мнение, что эта проблема, может быть, является главнейшей из тех, которые стоят сейчас перед лингвистами. О том, что она не является утопической, по его мнению, свидетельствует практический успех эсперанто. Некоторые из выступавших отмечали большую ценность работы ИАЛА по разработке проектов международного вспомогательного языка, другие же подвергали сомнению деятельность ИАЛА и указывали на практическую пригодность эсперанто, уже получившего широкое распространение. Прямых выступлений против искусственного международного языка на конгрессе почти не было, хотя многие весьма скептически отнеслись к возможности практического решения вопроса.

Даже этот очень краткий обзор показывает, что вопрос о международном языке не раз подвергался в лингвистике обстоятельному обсуждению и обычно рассматривался как серьезная проблема, подлежащая научному изучению.

*

При рассмотрении вопроса о международном языке важно учесть не только теоретические высказывания лингвистов по этому поводу, но и практическую деятельность по созданию проектов такого языка, их распространению и использованию. Для лингвистики такого рода факты представляют большой теоретический интерес, так как по существу перед нами массовый лингвистический эксперимент, длящийся несколько десятков лет. Изучение материалов этого «эксперимента» позволяет лингвистике дать совершенно обоснованный ответ на многие из тех вопросов, которые были подняты в рассмотренных выше дискуссиях.

Проектов искусственных международных языков было создано немало, несколько сот. Проекты, построенные на основе логической классификации понятий, не получили никакого распространения и ни в какой мере не стали средством общения. Из языков, созданных на основе словарного состава уже существующих «живых» языков, некоторые (например, идо, окциденталь, интерлингва) в течение длительного времени в большой или меньшей степени используются в качестве средства международного общения; на них издается литература, проводятся собрания и даже международные конгрессы. В первую очередь из таких языков следует назвать эсперанто, который существует почти семьдесят лет. Соответствующие учебники, словари, литература, журналы имеются и на других языках этого рода, однако основная масса активных сторонников международного языка группируется вокруг эсперанто, распространение которого во много раз превосходит распространение всех других проектов международного языка вместе взятых¹. Для изучения эсперанто издано большое число учебников на различных языках. На эсперанто вышло

¹ См. I. L a p e n n a, La internacia lingvo. (Faktoj pri Esperanto), London, 1954.

несколько тысяч книг общественно-политической, научно-популярной и художественной литературы¹. Способность эсперанто быть языком художественной литературы не раз подвергалась сомнению. Конечно, всякий перевод в какой-то мере обедняет оригинал, но тщательное изучение лучших переводов на эсперанто показывает, что эсперанто в состоянии удовлетворительно передать не только содержание оригинала, но и его художественные особенности, поскольку выразительные возможности этого языка довольно велики, даже в отношении фразеологии².

Представляют интерес также факты использования эсперанто в практической жизни как средства международного взаимопонимания. Отдельные случаи использования эсперанто для этой цели можно указать еще в конце прошлого века. С 1905 г., когда был созван первый международный конгресс эсперантистов, подобных случаев становится так много, что их уже нет возможности фиксировать. Ежегодно происходит международных конгрессов эсперантистов, на которых участвует до 2—3 тысяч человек, а иногда и больше. (Последний международный конгресс эсперантистов состоялся в Копенгагене в августе 1956 г.) Эти конгрессы самым наглядным образом свидетельствуют о возможности общения при помощи эсперанто³. Кроме того, эсперанто находит повседневное применение в переписке, его применяют в туристских и деловых поездках за границу⁴. В связи с этим на эсперанто издается большое число туристских путеводителей, туристские бюро имеют в своем составе переводчиков-эсперантистов. Эсперанто находит применение и на различных международных съездах⁵. Следует указать, в частности, на применение эсперанто на Варшавском фестивале молодежи, где присутствовало более ста эсперантистов из 12 стран.

Распространение, которое получили эсперанто, дало возможность использовать его и в научной информации. Ряд журналов помещает резюме на эсперанто, эсперанто используется для этой же цели и в отдельных научных монографиях⁶.

*

Искусственные международные языки представляют не только практический, но и большой теоретический интерес для языкознания. Многие вопросы, касающиеся принципов их строения и функционирования, остаются пока спорными и до конца не выясненными, что серьезно мешает достижению единства и координации усилий сторонников такого языка. Вместе с тем принципиальные вопросы построения вспомогательного языка тесно связаны с наиболее существенными проблемами языкознания вообще.

Попытаемся поставить в самой общей форме некоторые из этих вопросов. Прежде всего естественно задать такой вопрос: почему ни у кого не

¹ См. P. S t o j a n, Bibliografio de internacia lingvo, Genève, 1929.

² О выразительных возможностях эсперанто см.: S. Z i e g l e r, Über Esperanto und Esrerantologie, «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 1951, Н. 1—2; E. P r i v a t, Essimo de sentoj en Esperanto, Haag, 1937. См также D Westermann, [Рец. на кн.:] W. Th. O e s t e, Esperanto, Mittler der Weltliteratur, «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 1953, Н. 5—6.

³ Отметим кстати, что в 1955 г. во время международного конгресса эсперантистов в Болонье (Италия) в городском театре была представлена на эсперанто пьеса Н. В. Гоголя «Ревизор» (см. журнал «Иностранная литература», 1955, № 5, стр. 276).

⁴ См., в частности, Э. Х ю з, Мысли о Советском Союзе, «Новое время», 1955, № 46, стр. 25.

⁵ Большой материал об этом собран в кн.: Н. N. S h e p t o n, Cosmopolitan conversation. The language problems of international communication, New York, 1933.

⁶ Об использовании эсперанто в научной информации см. «Scienza Revuo», 1955, № 4.

вызывает сомнений целесообразность международного кода Морзе, метрической системы мер и весов, математической символики (которая, кстати сказать, все шире проникает в разнообразные области науки), тогда как сама идея международного вспомогательного языка у многих встречает скептическое отношение? Объясняется ли это просто эмпирически, т. е. тем, что код Морзе, метрическая система мер и весов и т. п. уже прочно вошли в обиход, вполне наглядно для всех показали свою пригодность и значение, тогда как широкие общественные круги никак не соприкасаются с международным языком, или же для этого имеются более глубокие причины? Хотя чисто эмпирический момент играет здесь некоторую роль, главное внимание в данном случае следует обратить на те принципиальные особенности общения людей при помощи языка, которые затрудняют создание простой и однозначной языковой системы.

Дело в том, что отправным пунктом для установления метрической системы мер и весов, для разработки нотного обозначения или математической символики является полная определенность и автономность обозначаемого. Так, например, «метр» — это $1/40\,000\,000$ часть земного меридиана, «сантиметр» — это $1/100$, а «миллиметр» — $1/1000$ метра; \int — интеграл, представляющий собой предел суммы; «точка — тире» или сочетание одного короткого и одного длинного импульса — простой условный эквивалент русской буквы *a* независимо от ее положения в слове и от того, какое значение имеет данное слово или сочетание слов и имеет ли оно значение вообще (азбукой Морзе могут быть с одинаковым успехом переданы как реальные слова и их сочетания с реальным смыслом, так и бессмысленные наборы букв). Международная стандартизация терминологии основывается на точном определении обозначаемых предметов и без такой основы была бы невозможна и бессмысленна. Правда, в работе по стандартизации специальной терминологии уже появляются трудности, связанные с проблемой выбора при наличии разных терминов в разных языках, — тут и вопрос о национальном предпочтении, и о словообразовательных возможностях, и о соотношении с другими терминами. И все же, как ни трудно решить, например, называть ли данное вещество «газолином» (англ. *gasoline*), или «эссенцией» (франц. *essence*), или «бензином» (нем. *Benzin*), или еще как-нибудь, основной и важнейшей трудности здесь нет: «обозначаемое», его природа и свойства поддаются вполне точному и автономному определению¹. Какое бы слово ни выбрать для обозначения данного предмета, этому выбору будет обязательно предшествовать вполне точное и однозначное определение самого обозначаемого предмета.

Для того чтобы подобный принцип применить при составлении международного вспомогательного языка, потребовалось бы определение самых разнообразных «обозначаемых», их полный учет и классификация, причем «обозначаемых» в самом широком смысле — не просто предметов, действий и признаков, но и разнообразных отношений — направлений, причины, зависимости и т. д., а также других сложных логических и психологических категорий. Такие попытки неоднократно делались, не перестают делаться и теперь². Какое большое значение придается этому во-

¹ Следует отметить, что все эти слова, как и вообще многие современные технические термины, являются «искусственными», «составленными», почему выбор одного из них не явился бы насильем по отношению к «естественным» или «природным» элементам языка.

² В качестве примера можно сослаться на систему 45 коррелятивных слов в эсперанто, разработанную для выражения основных разновидностей понятий качества, мотива, времени, места, способа, обладания, количества, предмета и его индивидуализации. Особенно следует упомянуть как образец исключительно глубокого и вдумчивого анализа семантические исследования Э. Сенира, выполненные для ИАЛЖА [см. E. S a p i r, *Totality* («Language monographs», publ. by the Linguistic society of

просу, можно видеть по множеству различных «семантических теорий»¹. Однако авторов большинства исследований этого последнего направления очень мало занимает фактическая языковедческая сторона вопроса, особенности языкового общения. Характерный для них априористический подход, основывающийся на отвлеченных рационалистических построениях, а не на изучении фактического состояния междуязыкового общения, не на поисках возможностей его систематического упорядочения на основе сохранения уже достигнутого по линии взаимопонимания в естественных, исторически сложившихся рамках, пока мало дает для решения вопроса о вспомогательном международном языке.

Как известно, проблема выделения, инвентаризации и классификации всех присущих человеческим языкам значений и созначений не только не решена до сих пор, но и не изучается так широко и последовательно, как это было бы необходимо для того, чтобы была достигнута хотя бы ясная перспектива ее решения. Такое положение дел в области общесемантических изысканий, естественно, не только чрезвычайно затрудняет работу по усовершенствованию существующих вспомогательных международных языков, которые составлялись чисто эмпирически, без планомерной предварительной инвентаризации семантических категорий, но и является основной причиной свойственных им недостатков и непоследовательностей.

Например, в известной статье А. Мартиге² рекомендуемые автором способы отбора корней для международного европейского вспомогательного языка иллюстрируются, между прочим, на выборе слова для «понятия башмака» («pour la notion de soulier»). Но что действительно представляет собой «la notion de soulier» (условно переведенное выше как «понятие башмака»)? Русское *башмак* — это и обувь, и техническое приспособление (как и англ. *shoe*), но по-французски техническое приспособление будет уже не *soulier*, а *sabot*. В отличие от русского, английский и немецкий языки распространяют далее свое [ju]: англ. *snow-shoes* «разновидность лыж», нем. *Handschuh* «перчатка». С другой стороны, основным русским словом для данного «понятия» является *обувь*: *У нее много обуви; в этом магазине продается обувь; обувной магазин* и т. д., а, например, в английском или французском языках, хотя обобщенное выражение и возможно (теоретически рассуждая, можно говорить о существовании таких слов, как *foot-wear*, *Schuhwerk* и под.), но фактически употребление подобных слов настолько ограничено и специализовано, что «естественным понятием» и для немца и для англичанина (как и для француза) будет не обобщенный эквивалент русского *обувь*, т. е. не *chaussures*, *foot-wear*, *Schuhwerk* и т. п., а *soulier*, *shoe*, *Schuh* и т. п.

Одним из основных и совершенно правильно выделяемых принципов при составлении вспомогательного международного языка является принцип необходимости и достаточности: слова должны быть отобраны таким образом, чтобы они не перекрывали отдельные «семантические сферы», давали бы лишь все необходимое и отвлекались от тех семантических дифференциаций, которые не являются строго обязательными для нормаль-

America», № VI), Baltimore, 1930; с то же же, Grading, a study in semantics, «Philosophy of science», vol. 11, № 2, 1944].

¹ Имеется в виду многочисленные разновидности «общей семантики», связанные с идеями «философской семантики» Ч. Морриса и Р. Карнапа, а в более общем плане — с логическим позитивизмом Б. Рассела и П. Уайтхеда. Очень ясное изложение основ «общей семантики» представляет собой книга А. Кожибского «Наука и оздоровление» (A. K o r z u b s k i, Science and sanity, Lakeville, Conn., 1948). См также С. К. О г д е н and I. A. R i c h a r d s, The meaning of meaning, 10-th ed., London, 1953.

² А. M a r t i n e t, La linguistique et les langues artificielles, «Words», № 1, 1946, стр. 44—45.

ного общения. Но осуществление этого совершенно правильного принципа на каждом шагу заставляет останавливаться перед вопросами о том, что является действительно необходимым и какие семантические дифференциации действительно являются излишними или несущественными? Так, например, существенно или не существенно, говоря о «руке», каждый раз обязательно выделять и по-разному обозначать две ее части (*main* и *bras*)? А если не существенно, то стоит ли отдельно обозначать, например, *плечо*? Почему бы не назвать всю конечность в целом одним словом и приучить всех «экономно» так и думать о соответствующем предмете (или совокупности предметов, объединенных одним названием)? Существенны или не существенны различия типа *go — come* (соответственно *gehen — kommen, aller — venir*)? Ведь обходится же русский язык одним словом *идти*; мы не испытываем никакого неудобства от того, что говорим *иди сюда* и *иди туда*, тогда как для англичанина или француза было бы немисливо сказать *go here* или *vas ici*.

Вопрос о словарном составе искусственного международного языка, о принципах его отбора является основным и наиболее сложным при создании такого языка¹. Проекты априорного типа, словарный состав которых представлял собой логическую классификацию понятий, как правило, оказывались совершенно искусственными и субъективными, что делало их очень трудными для усвоения и практически неприменимыми. Языки этого типа давно уже не привлекают к себе серьезного внимания.

Все проекты последних десятилетий основываются на словарном запасе существующих языков. В основу эсперанто и других аналогичных языков положен максимально интернациональный корнеслов. Выявление этого последнего представляет собой серьезную научную задачу, так как степень интернациональности тех или иных слов является различной. В различных проектах искусственных международных языков принципы отбора слов иногда значительно отличаются друг от друга. В таких языках, как интерлингва, большую роль играет принцип гомогенности (преимущественно латинский словарный запас в интерлингва Дж. Писано, преимущественно романский — в интерлингва ИАЛЛ). В языках *идо* и окциденталь (интерлингве) и еще в большей степени в эсперанто наряду с латинским и романским корнесловом некоторое место занимают также элементы германского и славянского происхождения. Следует отметить, что во всех существующих проектах вспомогательных международных языков до сего времени совершенно недостаточно учитывалась интернациональная лексика в языках Востока, в том числе и в таких языках, как китайский и хинди. Отдельные попытки введения в международный язык слов индоевропейского происхождения представляли собой случайные и не обоснованные предложения. Тщательное изучение интернациональной лексики в индоевропейских языках должно внести серьезные коррективы в дело дальнейшего регулирования словарного состава международного языка.

Проблема словарного состава международного языка неразрывно связана с проблемой словообразования². Словарный состав некоторых проектов (интерлингва, окциденталь) заимствует из существующих националь-

¹ По вопросу о принципах отбора словарного состава в международном языке см.: A. Martinet, указ. соч.; G. Waringhien, ABC de Esperanto, à l'usage de ceux qui aiment les lettres, Paris, 1946.

² По вопросу о словообразовании в международном языке см.: L. Couturat, Étude sur la dérivation en Esperanto, Paris, 1907; R. de Saussure, Principes logiques de la formation de mots, Genève, 1911; C. Aymonier, Essai sur la dérivation comparée dans les langues naturelles et artificielles, Paris, 1921; E. Graber, Occidental, die Weltsprache, Stuttgart, 1930.

ных языков не только корнеслов, но и производные слова вместе с их аффиксами. Это приводит к тому, что подобные проекты по существу не предлагают своей собственной системы словообразования, пользуясь уже готовыми производными словами. Наоборот, проекты, известные в специальной литературе под названием «автономистических» (эсперанто, идо, новиаль), заимствуют из существующих языков отдельно корнеслов и систему аффиксов, являясь, таким образом, проектами языков с «автономной» системой словообразования. Наличие разработанной системы словообразования сообщает этим языкам большие словообразовательные возможности и вместе с тем делает их простыми и легкими для усвоения. «Натуралистические» принципы таких систем, как окциденталь и интерлингва, по существу представляют собой отступление перед трудностями последовательного научного изучения проблемы словообразования, попытку чисто эмпирического ее разрешения¹. И в этой области планомерная работа по сравнительному изучению словообразования в разных языках должна явиться базой дальнейшего регулирования развития международного языка.

Сравнительное изучение словообразования в различных языках как основа для разработки словарного состава вспомогательного международного языка не ограничивается вопросами словообразования в собственном смысле, а включает также и вопрос о так называемой «внутренней форме» слова, «мотивированности» и «немотивированности» значения и т. п. Предположим, например, что «понятие дома» («le concept de maison»; см. Мартине, указ. соч., та же стр.) в общесемантическом плане с точки зрения современного представления о европейских домах как таковое достаточно ясно определено. Но ведь *дом* — это и «строение», и «здание», и «жилище», и «укрытие, убежище» и т. д. По-видимому, имелись вполне определенные культурно-исторические причины, которые заставили, например, древних германцев отказаться для выражения данного понятия от каких бы то ни было вариантов корня * *dem* — *dom* — корня, хорошо известного не только древнегерманским языкам, но и сохранившегося в современных (нем. *Zimmer*, англ. *timber* и т. п.). Выбирая для вспомогательного международного языка наиболее подходящую из существующих «семантем», недостаточно только избегать недоразумений и случайных (омонимических) совпадений, а необходимо тщательное и систематическое их исследование с точки зрения внутреннего строения, их приспособленности для наиболее адекватного и полного выражения соответствующих понятий.

Вряд ли можно сомневаться в том, что для вспомогательного международного языка не только в высшей степени существенно, но даже необходимо, чтобы как можно большее число входящих в него слов были мотивированными, имели прозрачное строение, рационально построенное соотношение «обозначающего» и «обозначаемого». Поэтому если после того, как разрешены все сложные проблемы, связанные с выбором корневой морфемы, если, например, сравнив между собой разные европейские языки, остановились на *labor-*, то *labor/ist/o* должно значить «рабочий», *labor/ist/ar/o* собирательно «рабочие», *labor/em/a* «трудолюбивый, склонный к труду».

Но этот правильный общий принцип, оказывается, далеко не просто осуществлять на практике. В самом деле, почему бы, скажем, не построить всю систему качественных прилагательных на антонимической основе, т. е. на основе выделения лишь одной «семантемы» для обозначения данного качества в его положительном проявлении, а отсутствие этого каче-

¹ О принципе «натурализма», кроме упомянутой работы Г. Якоба, см. также: W. M a n d e r s, *Interlingvistiko kaj esperantologio*, Purmerend, 1950.

ства или наличие противоположного качества обозначать посредством единого каритивного префикса, как это сделано в эсперанто; например, *facila* «легкий», *mal/facila* «трудный»; *nova* «новый», *mal/nova* «старый»; *antau* «раньше», *mal/antau* «после» и т. д. Но этот принцип, доведенный до своего логического конца, нередко приводит на практике к неясности и сомнениям¹.

В связи со сказанным нельзя не остановиться еще и на таком вопросе: является ли всегда действительным и реальным преимуществом употребление сложного слова или ясного, морфологически последовательного и закономерного производного по сравнению с простым словом? Например, очки на эсперанто называются *okulvitroj*, на идо — *binoklo*, на окциденталь — *ocul-vitres*, на новиаль — *lunetes* и на интерлингва — *perspicillos*. Ведь если, абстрактно рассуждая, аналитическое обозначение *очков* как «глазных стекол» и имеет как будто бы преимущество, на самом деле, при реальном пользовании языками, связь данного понятия с данным звучанием, усвоенная прочно в практике языкового общения, может оказаться гораздо более эффективной, гораздо более быстро и непосредственно вызывающей мысль о соответствующем предмете. Поэтому, если, например, *binoki* прочно вошел в разные языки, приобрел уже известную международность в существующих естественных языках, то не проще ли его и ввести во вспомогательный язык, резервируя, конечно, за каждым, пользующимся таким языком, право образовывать любые сложные и производные слова.

Как уже можно было видеть на приведенном выше примере с префиксом *mal-*, лексическим аффиксам бывает трудно придать необходимый для последовательно однозначного словообразования вполне отвлеченный характер. Поэтому вполне естествен большой интерес составителей вспомогательных международных языков к явлению конверсии — весьма рас пространенному способу словопроизводства², при котором словообразовательным средством служат не особые морфемы — словообразовательные аффиксы, а п а р а д и г м а слова. В отличие от словообразовательных аффиксов парадигма обладает тем преимуществом, что позволяет обобщенно обозначать такие вполне ясные и определенные значения, как глагольность, предметность, признак и т. п. Однако на практике мы сталкиваемся здесь с рядом трудностей, которые делают необходимым специальное исследование вопроса о границах применения конверсии. Ведь ясно, что международный язык не может просто копировать использование конверсии в естественных языках: ср. англ. *to shop* «ходить в магазин за покупками», *to ship* «перевозить на корабле», *to paper* «оклеивать обоями», *to chain* «приковывать цепью» (ср. франц. *chainer* «мерить цепью»), *to feather* «устилать перьями» (ср. нем. *federn*, все три значения которого отличны от значения соответствующего английского глагола).

Безаффиксное, прямое словообразование в международном вспомогательном языке, особенно в научной терминологии, может быть использовано только, если его семантическое содержание будет четко и однозначно определено. Но как раз определение «значения глагола», «значения существительного» и т. п. является наиболее сложным. «Значение глагола» — это и «производить», и «делать, превращать», и «снабжать, обеспечивать» и др. Для идо, например, первоначально было предложено применять

¹ Ср., например, Н. J a s o b, указ. соч., стр. 42.

² Данный вопрос был поставлен в связи с проблемой международных языков еще Л. Кутюра. Идо, в создании которого Кутюра принимал активное участие, использует, например, при образовании глаголов от именных корней различные суффиксы, уточняющие характер отношения между предметом и действием. Этим идо отличается в значительной степени не только от других проектов международного языка, но и от естественных языков.

суффикс *-if* — для значения «производить», *-ig* — «делать, превращать», *-iz* — «снабжать, обеспечивать» и *-ag* — «использовать в качестве орудия». Однако, поскольку практическое применение этого правила оказалось весьма затруднительным вследствие необходимости решения в каждом случае разнообразных вопросов лексико-синтаксического характера, таких, как переходность-непереходность глагола и т. п., была сделана попытка заменить все эти разнообразные суффиксы единым «глагольным» суффиксом *-i*, и этот вопрос стал частью общего вопроса о грамматической характеристике частей речи.

В эсперанто и идо основные части речи характеризуются специальными парадигмами (например, в эсперанто *telefono* «телефон», *telefona* «телефонный», *telefonari* «телефонировать», *telefone* «по телефону»), окциденталь и интерлингва особых систем грамматических окончаний для той или иной части речи не имеют. Подлежит дальнейшему изучению вопрос о том, в какой мере грамматические показатели частей речи способствуют смысловой четкости языка и легкости его изучения и использования. На этом вопросе следует остановиться несколько подробнее.

Как уже указывалось выше, О. Есперсен оказал большое влияние на исследования в области создания вспомогательного международного языка. Поэтому известные идеи Есперсена о том, что развитие языка вообще — это непрерывная тенденция к переходу от неделимых и нерегулярных (неправильных) агломератов к свободно и правильно сочетаемым коротким элементам-единицам, играли и продолжают играть существенную роль при рассмотрении и попытках решения соответствующих проблем. Однако сформулированный в приведенном общем виде (а ни в каком другом виде он *п о з и т и в н о* сформулирован не был) этот принцип — свободно и правильно сочетаемых коротких элементов вместо сложных и неправильных длинных агломератов — оставляет невыясненными многие вопросы и не дает твердой основы для практической работы. Так, например, если обнаружено и определено, как необходимое для введения в семантическую систему вспомогательного международного языка, значение отношения к чему-либо как невозможному или нелепому, то из сказанного выше будет ясно, что его нельзя дать в виде сложных и нерегулярных синтетических *ф о р м* косвенного наклонения, вроде франц. *imprafait du subjonctif*, а надо сделать его максимально аналитическим, просто и закономерно (или «правильно») воспроизводимым в самых разнообразных ситуациях. Но как же это должно выглядеть на практике? Если мы сравним перевод на основные пять современных вспомогательных международных языков — эсперанто, идо, окциденталь, новиаль и интерлингва следующей фразы из «Нового платья короля» Андерсена: «Нет, мне невозможно сказать, что я не вижу эту ткань», то картина получится довольно пестрая, а именно: «Ne, estus netolereble, ke mi diru, ke mi ne vidas la teksa ŝono»; «No, esus netolerebla, ke me dicas ke me ne povas vidar la texuro»; «Ne, it vell esser insuportabil dir que yo ne vida li textage»; «No vud es nontolerabli ke me nara ke me non vida li texatu» и «Non, es re intolerabile si me dic me non vide texatu». Если эсперанто и идо считают вполне допустимым внутренне грамматическое изменение формы, то окциденталь и новиаль вводят аналитическое построение в виде «аналитической формы» с вспомогательными глаголами, а интерлингва идет еще дальше и дает «аналитическое построение» уже собственно лексического характера — *es re intolerabile* «это [есть] вещь невозможная».

Меньше всего ясности в вопросах синтаксиса, что может быть связано отчасти с наименьшей теоретической разработанностью именно этого раздела языкознания. По-видимому, пока дело сводится лишь к рекомендации логического порядка построения речи — подлежащее, ска-

зуемое, дополнение. Однако достаточно самого быстрого ознакомления с реальными речевыми произведениями на любом из вспомогательных языков, написанных представителями разных наций, чтобы убедиться в том, что единообразия синтаксического построения не только не достигнуто, но и вряд ли можно достичь в настоящее время, когда вопрос о соотношении между языком и речью, о нормах синтаксиса в соответствующих литературных языках и т. п. еще очень мало разработан. Можно только заметить, что отражения в речи на эсперанто, идо и других вспомогательных международных языках тех привычек построения и членения мысли, которые усвоены пользующимися ими на основе традиций соответствующих национальных естественных языков, не является сколько-нибудь серьезным препятствием для взаимного понимания и, следовательно, общения. Поэтому можно признать наличие определенного синтаксического разнообразия, отсутствие строгой регламентации в этой области вполне допустимым, в особенности если принять во внимание, что речь на международном вспомогательном языке всегда будет синтаксически и стилистически проще, чем на родном языке.

Из сказанного не следует, что вопросами синтаксиса вспомогательных международных языков вообще не занимаются. В частности, вопросу о прямом дополнении было уделено значительное внимание. В эсперанто с этой целью введен винительный падеж; в большинстве других международных языков прямое дополнение выражается порядком слов, в некоторых проектах винительный падеж используется факультативно. Хотя о сравнительной ценности всех этих способов выражения прямого дополнения в специальной литературе писалось много¹, необходимо дальнейшее изучение вопроса, так как здесь следует иметь в виду не только легкость языка, но также и его гибкость, способность выражать различные оттенки мысли, для чего возможность свободного порядка слов в предложении является чрезвычайно существенной.

Решение проблемы фонемного состава международного языка в значительной степени определяется принципами отбора словарного состава. Однако и здесь остаются вопросы, подлежащие дополнительному изучению (вопрос об отдельных звуках — *x*, *p*, *дж* и т. д., вопрос о допустимости тех или иных звукосочетаний и др.)². Частным, но практически чрезвычайно важным является также вопрос об орфоэпическом стандарте в международном языке и о возможности реализации одной и той же фонемы различными ее вариантами в разных позиционных условиях. Этот вопрос не раз освещался в специальной литературе, посвященной эсперанто, но еще не получил окончательного разрешения и требует дополнительного изучения с использованием также специальной экспериментально-фонетической аппаратуры, которая позволила бы опереться на объективные факты реально существующих вариантов произношения³.

Перечисленные вопросы и высказанные в связи с ними общие соображения имели целью дать представление о некоторых из тех проблем создания международного вспомогательного языка, которые требуют дальнейшего научного изучения. Как явствует из сказанного, все это — основ-

¹ См., например, G. Waringhien, *La akuzativo en Esperanto*, «*Esperantologio*», vol. I, Copenhagen, 1949.

² Большой теоретический интерес в этой связи представляет специальная статья Н. С. Трубетского, несмотря на присущий ей априоризм. См. N. Trubetzkoy, *Wie soll das Lautsystem einer künstlichen internationalen Hilfssprache beschaffen sein?*, «*Travaux du Cercle linguistique de Prague*», VIII, 1939. См. также: O. Jespersen, *An international language*, London, 1928 (нем. перевод: O. Jespersen, *Eine internationale Sprache*, Heidelberg, 1928)

³ О фонетическом стандарте в эсперанто см. K. Kalocsay kaj G. Waringhien, *Plena gramatiko de Esperanto*, Budapest, 1935.

ные проблемы общего языковедения. Поэтому их систематическое научное исследование не только помогло бы решить некоторые практические задачи построения и усовершенствования международного вспомогательного языка, но и представило бы серьезный вклад в теорию языка.

*

Таков беглый обзор теоретических вопросов, которые возникают при рассмотрении проблемы искусственного международного языка. Нельзя не пожалеть о том, что изучению этих вопросов, представляющих значительный теоретический интерес для науки о языке, советские языковеды не уделяют пока достаточного внимания, и обширная литература по истории и теории международного вспомогательного языка не подвергается у нас систематическому критическому анализу. Нужно надеяться, что в дальнейшем эта проблема вызовет больше интереса и советские языковеды примут активное участие в ее разработке.
